Пашковская Татьяна Григорьевна

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ О РОЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Статья раскрывает неклассические концепции трактовки роли социально-психологических факторов в развитии науки, актуализируется проблема степени воздействия ментальных структур на научное познание. Особое внимание уделяется концепциям Т. Куна, П. Фейерабенда, утверждающим, что социально-психологические факторы играют роль движущих сил развития науки, что они непременно должны быть использованы при теоретической реконструкции процесса научного познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 151-154. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

10. **О расписании по классам и разрядам должностей временного штата учреждений по делам печати**: Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел 8 июня, № 44621 от 26 мая 1867 г. // ПСЗРИ. 1871. Собрание II. Т. XLII.
11. **Патрушева Н. Г.** Цензурная реформа середины XIX века и ее влияние на структуру цензурных учреждений и состав цензорского корпуса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 3. С. 134—138.
12. **Полянская Л. И.** Архивный фонд Главного управления по делам печати: обзор // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 603—634.
13. **Протоколы высочайше учрежденного Особого совещания для составления нового устава о печати под председательством д.т.с. Кобеко.** СПб., 1913.
14. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 776. Оп. 3.
15. **РГИА.** Ф. 776. Оп. 4.
16. **РГИА.** Ф. 776. Оп. 11 — 1872.
17. **РГИА.** Ф. 776. Оп. 20.
18. **РГИА.** Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1 — 1897.
19. **РГИА.** Ф. 776. Оп. 22 — 1905.
20. **РГИА.** Ф. 776. Оп. 22 — 1912.
21. **Чернуха В. Г.** Главное управление по делам печати в 1865—1881 гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX — нач. XX в.: сб. науч. тр. СПб., 1992. Вып. 6. С. 20—40.

GENERAL DIRECTORATE FOR THE PROTECTION OF STATE SECRETS IN THE PRESS (1865-1917) AND THE PROJECTS OF ITS REFORMATION

Natal'ya Genrikhovna Patrusheva, Ph. D. in History
Rare Book Section
Russian National Library in St. Petersburg
patrusheva@nlr.ru

The author considers the formation and functioning history of the central censorship institution – General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press - in 1865-1917 and analyzes commissions and state officials' projects on its structure and activity reformation.

Key words and phrases: censorship; censor institutions; staff projects; reforms; archival sources.

УДК 165.7

Статья раскрывает неклассические концепции трактовки роли социально-психологических факторов в развитии науки, актуализируется проблема степени воздействия ментальных структур на научное познание. Особое внимание уделяется концепциям Т. Куна, П. Фейерабенда, утверждающим, что социально-психологические факторы играют роль движущих сил развития науки, что они непременно должны быть использованы при теоретической реконструкции процесса научного познания.

Ключевые слова и фразы: научное познание; наука; социально-психологические факторы; социокультурный контекст.

Татьяна Григорьевна Пашковская, к. филос. н.
Кафедра истории России
Магнитогорский государственный университет
czaczulia@inbox.ru

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ О РОЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ©

Одной из основных черт современной философии науки является вписание научной деятельности в социокультурный контекст, обращение особого внимания на роль ментальных факторов в научном познании. Сегодня это представляется вполне оправданным. Влияние социально-психологических факторов на научное познание действительно усиливается в связи с тем, что наука приобрела «поточный» характер. Обучение научных специалистов, освоение определённых знаний и навыков, присвоение научных степеней поставлено на «поток». Учёный из гения, творца превратился в рядового специалиста, деятельность которого обусловлена больше внешней мотивацией, а не внутренней. Коллективные представления посредством коммуникативных связей всё сильнее «просачиваются» в содержание научного знания. В результате коммуникации формируется социальное тождество личности, что приводит к духовным формам интеграции.

© Пашковская Т. Г., 2011

Таким образом, с XX века особую актуальность приобрели исследования, связанные с признанием важнейшей роли социально-психологического и культурного контекста в развитии науки. В результате в эпистемологии возникли два генеральных направления: экзистенциально-антропологическое и логико-гносеологическое. Экзистенциально-антропологические теории (А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) обосновали невозможность какой-либо познавательной деятельности вне субъективного бытия, вне жизненного мира и менталитета познающего субъекта. Аналогичное включение субъекта познания в сам познавательный процесс произошло в логико-гносеологических концепциях.

Логико-гносеологическая традиция имеет давнюю историю в философии познания, её изначальной установкой было стремление к получению объективных знаний о мире, что хорошо вписывалось в идеалы рациональности. При этом в разряд несущественных попадали важнейшие параметры бытия человека, его социально и культурно-исторически обусловленный менталитет, который рассматривается как «помеха» на пути к истине. Однако нейтральность науки – это определённая ценностная ориентация классического периода развития науки. В XX веке можно наблюдать обратную тенденцию: научное познание рассматривается в контексте социальных условий и социальных последствий, аксиологические факторы включаются в состав объясняющих положений.

Основательное переосмысление роли социально-психологических факторов в развитии науки произошло в философии постпозитивизма, виднейшими представителями которой являлись К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд. Основная дискуссия развивалась вокруг вопроса о степени воздействия социально-психологических факторов на научное познание; решалась проблема не просто о социальной обусловленности или социальной природе познания, а о его социальной детерминации.

В этой связи в постпозитивистской философии можно выделить два подхода. Сторонники «когнитивизма» (К. Поппер, И. Лакатос) признавая, что научное знание находится в социокультурном окружении, с которым активно взаимодействует, тем не менее полагают, что детерминирующее воздействие на развитие науки оказывают только когнитивные факторы, что в этом смысле наука обладает своей внутренней историей, что *социокультурные факторы не определяют развитие научных идей* и в качестве объясняющих могут привлекаться, только когда речь идёт о внешней истории науки.

Сторонники другого подхода, «социологисты» (Т. Кун, П. Фейерабенд), напротив, утверждают, что *социальные факторы играют роль движущих сил развития науки.* Без них невозможно теоретическое объяснение не только внешней, но и внутренней истории науки. Поскольку социальные факторы оказывают детерминирующее воздействие и на развитие научных идей, они непременно должны быть использованы при теоретической реконструкции процесса научного познания, и в этом смысле нельзя провести жесткого различия между внутренней и внешней историей науки.

Наиболее значительным философом из тех, кто доказывал связь развития науки с социальными факторами и их влияние на внутреннюю структуру и логику теоретического знания, является Т. Кун. Основные позиции Т. Куна состоят в следующем. Субъектом научно-познавательной деятельности является научное сообщество, организующееся как некоторая школа, направление, объединённое какой-либо дисциплинарной матрицей и ценностями. Каждый отдельный учёный с необходимостью входит в такое сообщество, усваивая все его идеалы, образцы, ценностные ориентации, которые образуют некоторую парадигму, т.е. образец, пример осуществления научного поиска. Под парадигмой Т. Кун подразумевал признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу.

В период господства парадигмы, наука, называемая в этом случае «нормальной», предстаёт как почти алгоритмическая деятельность по выбору проблем, задач и способов их решения. Совершенствуются исходные программные установки. Вместе с тем в рамках принятой парадигмы учёные сталкиваются с рядом «аномальных», проблематизирующих господствующую концепцию, фактов. После неудачных попыток осмыслить эти противоречивые данные принятым способом возникает научный кризис. Наряду со старой парадигмой активно возникают новые альтернативные способы интерпретации научных аномалий. Происходит «сбрасывание» устаревшей парадигмы, возникают новые стандарты исследования, преодолевающие накопившиеся аномалии. Этот момент превращения науки из «нормальной» в «экстраординарную» трактуется Т. Куном как революционный переворот.

Именно при выборе новой парадигмы приоритет отдаётся той или иной научной теории *не только и не столько под влиянием её когнитивных преимуществ, а в результате действия целого ряда вненаучных факторов*, которые носят *социально-психологический характер*, следовательно, среди них – *менталитет.* Этому созвучен тезис К. Поппера, который, несмотря на свою приверженность идеалам науки, признавал, что «рациональная дискуссия невозможна, если смене подлежит сам каркас» [3, с. 585], поэтому период научной революции должен изучаться не только с точки зрения логики, а с точки зрения социологии и психологии.

В процессе выбора парадигмы «каждый участник пытается обращать в свою *веру* других» [2, с. 259]; при этом, как пишет Т. Кун, «восприятие нового проистекает не из логической структуры научного знания» [Там же, с. 131]. В конечном итоге «человека переубеждает опыт, который составляет сердцевину революционного процесса в науке» [Там же, с. 266]. Переубеждающие факторы могут быть различными, но переубедившим фактором является сам процесс восприятия, который, по Т. Куну, «перепрограммирует нервную систему» [Там же, с. 268]. Учёный обретает новое видение. Из этого следует, что выбор теории нельзя объяснить чисто социальной детерминацией, которая может быть навязана внешним давлением. В процессе выбора парадигмы социальное содержание интериоризируется, т.е. *психологически осваивается и присваивается человеком.*

Он становится её носителем и защитником, ибо то, что выходит за рамки научной парадигмы, не воспринимается. После достижения консенсуса, а по терминологии Т. Куна, «победы» какой-либо теории, «приобщения к новой вере» и выбора образцовой научной теории, вновь начинается этап нормальной науки, который характеризуется наличием новой чёткой программы деятельности и новыми критериями искусственной селекции альтернативных и аномальных смыслов.

Таким образом, в период смены парадигм наука попадает *в сферу влияния социально-психологических, ментальных факторов*, которые детерминируют, по существу, «иррациональный прыжок (сравнимый с обращением в другую религию) из одного каркаса в другой» [3, с. 587].

С точки зрения другого философа постпозитивистского направления П. Фейерабенда, современная наука не покрывает собой все факты, всё многообразие человеческого опыта, являясь лишь *продуктом ментальности человека* Нового времени. Вместе с тем она претендует на привилегированное положение среди других познавательных традиций всех времён и народов, таких как античная или средневековая наука, а также миф, магия, религия.

Методология П. Фейерабенда исходит из двух принципов: принципа пролиферации и принципа несоизмеримости. Согласно принципу пролиферации, нужно изобретать, размножать и разрабатывать теории и концепции несовместимые с признанными теориями; это может делать каждый человек, сколь бы абсурдной его концепция ни показалась окружающим. Принцип несоизмеримости гласит, что теории невозможно сравнивать, так как они изложены в своей логике и построены на своих фактах, на собственном опыте, исходя из индивидуального «жизненного мира». Такой подход защищает любую концепцию от внешней критики. Автор каждой методологии создаёт нечто вроде «куновской» парадигмы, это особый, замкнутый мир, и всё, что в него не входит, не имеет для субъекта познания никакого значения. Поэтому учёный, «желающий максимально увеличить эмпирическое содержание своих концепций и как можно более глубоко уяснить их, должен вводить другие концепции, иначе говоря, применять плюралистическую методологию» [4, с. 162].

Анализируя идеи когнитивистского направления философии науки, П. Фейерабенд пришёл к выводу, что метод превратился в некий фетиш, нередко рефлексия над субъектно-объектной методологией даже противопоставляла себя реальности соответствующего вида познания, в то время как понятие метод лишь символизирует реальное многообразие средств познавательной деятельности. По мнению философа, это выражает не просто ошибочность методологических концепций, замкнутых на рациональности, но и более глубокую интенциональность познающего сознания [1, с. 32].

Осмысление современной науки П. Фейерабендом превращает её по существу в обычную духовную практику, порождённую менталитетом европейского человека Нового времени, которая должна использоваться наряду с другими познавательными традициями.

Таким образом, постпозитивисты окунули науку в поток истории, что в итоге размыло все методологические схемы и стандарты, придало релятивистский характер существующим познавательным традициям, сделав их равноправными исполнениями индивидуальных смыслов.

Философы науки едины в признании социальной обусловленности и социальной природы научного знания. Размежевание происходит по вопросу степени социальной детерминации науки. Причиной разногласий является различие представлений о характере действующих в науке критериев рациональности. Когнитивистски настроенные философы, отождествляя стандарты рациональности с логико-методологическими критериями, считают, что любое обращение к социальным факторам является иррационализмом. «Социологисты» полагают, что обращение к социальным факторам для объяснения процесса развития научного знания неизбежно, именно на этом основании они и утверждают, что научное познание по своему статусу не отличается от таких форм интеллектуальной деятельности, как мифы и религия.

На наш взгляд, данные направления постпозитивизма следует рассматривать как взаимодополнительные. Конструктивное содержание концепции «социологистов» заключается в объяснении науки как целостности, как единства когнитивного и ценностного, в стремлении понять воздействие на науку её социокультурного окружения. Когнитивистский подход, в свою очередь, позволяет решить проблему преемственности научного знания и разграничить влияние социально-психологических и собственно когнитивных факторов на развитие науки, обосновать тенденцию максимального наследования в научном познании.

Кроме того, фактическое признание социально-психологических и культурных факторов научного познания не только не противоречит главной цели – получению объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой к её достижению. Осознание своей ограниченности и неизбежности социально-психологической обусловленности познания способно уменьшить степень заблуждения субъекта и приблизить его к истине.

Список литературы

1. **Касавин И. Т., Филатов В. П.** История научных традиций в интерпретации П. Фейерабенда // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 4. С. 25–34.
2. **Кун Т.** Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
3. **Поппер К.** Логика и рост научного знания // Поппер К. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
4. **Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.

NON-CLASSICAL LOGICAL-GNOSIOLOGICAL CONCEPTIONS ABOUT SOCIAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS ROLE IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Tat'yana Grigor'evna Pashkovskaya, Ph. D. in Philosophy
Department of Russian History
Magnitogorsk State University
czaczulia@inbox.ru

The author reveals the non-classical interpretation conceptions of social-psychological factors role in science development, actualizes the problem of mental structures impact on scientific knowledge and pays special attention to T. Kuhn's and P. Feyerabend's conceptions stating that social-psychological factors play driving forces role in science development and they must be necessarily used in the theoretical reconstruction of scientific knowledge process.

Key words and phrases: scientific knowledge; science; social-psychological factors; social-cultural context.

УДК 34

Статья раскрывает деятельность МВД Российской империи по организации здравоохранения. Особое внимание автор уделяет правовому регулированию медицинской деятельности в указанный период. В работе исследуются многочисленные нормативно-правовые акты, регламентирующие сферу здравоохранения в обозначенный период. При этом организация медицинского дела автором рассматривается весьма широко, включая и подготовку медицинского персонала.

Ключевые слова и фразы: медицинский департамент; свод законов; уставы благочиния; Министерство внутренних дел; больницы; медицинский совет.

Ольга Глебовна Печникова, к. юрид. н., доцент
Кафедра гражданско-правовых дисциплин
Московский институт предпринимательства и права
lex1881@mail.ru

РОЛЬ МВД В ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.©

Законодательная база российского здравоохранения формировалась весьма медленно и обозначилась в кодифицированном виде после представления проекта Свода законов, статьи которого соответствовали законам, входившим в Полное собрание законов Российской империи специальной ревизионной комиссии (ревизия законодательства длилась 4 года – с апреля 1828 г. по май 1832 г.), в 1832 г. Свод законов Российской империи был утвержден. Все дальнейшие его изменения были отнесены к продолжению Свода, выпускались также новые пятнадцатитомные издания 1842 и 1857 гг. Кроме этого, и его отдельные тома переиздавались с дополнениями и замечаниями. Например, том XIII с Новым врачебным уставом издавался в 1892 и в 1905 гг., а в 1915 г. вышел тот же том с Новым уставом об общественном призрении. На наш взгляд, необходимо отметить, что в промежутках между изданиями Свода печатались Продолжения к нему. Так, Продолжения к XIII тому вышли в 1863, 1864, 1869, 1871, 1872, 1876, 1890, 1889 и др. гг.

Основным достижением Полного собрания законов, Свода законов Российской империи, регулирующих также и медицинскую деятельность государства, по нашему мнению, было, во-первых, обобщение ранее разрозненного законодательства, а во-вторых, систематизация не по хронологии, как это производилось прежде, а по отраслевой принадлежности.

VII часть Свода законов (XIII и XIV тома) составили Уставы благочиния. Своды Уставов благочиния (том XIII Свода законов) содержали Свод Учреждений и Уставов об общественном призрении и Свод Учреждений и Уставов врачебных по гражданской части. Деятельность медицинских учреждений, руководство которыми осуществлялось Приказами общественного призрения (созданными, как отмечалось ранее, в 1775 г. по указу императрицы Екатерины II), регулировалась нормами Свода Учреждений и Уставов об общественном призрении в редакции 1832 г., а вопросы правового положения врачей, аптек, санитарной полиции, вопросы судебной медицины – Сводом Учреждений и Уставов врачебных по гражданской части в редакции того же года.

Свод Учреждений и Уставов об общественном призрении 1832 г., состоящий из 2-х книг, в каждой из которых 4 раздела, в свою очередь подразделяемые на главы и отделения, содержит 1436 статей. 981 из них закрепляет правовые основы деятельности учреждений Приказов общественного призрения, а статьи с 982 по 1436 регулируют деятельность учреждений, не подчиненных Приказам.

© Печникова О. Г., 2011